

На следующий день, ещё до рассвета, Хэ Бянь уже поднялся.

Обычно в это время он сперва кормил кур и уток, затем выходил нарвать травы для двух свиней. На всё это уходило примерно больше получаса. Когда он возвращался домой и начинал готовить еду, в деревне только-только раздавались первые утренние голоса.

Теперь всё было иначе.

Хэ Бянь громко, с силой заколотил в дверь комнаты Чжан Мэйлинь — удары раздавались гулко и настойчиво, а внутри всё ещё стояла густая, глубокая ночная тишина сна.

Чжан Мэйлинь и без того мучилась тревогами и смогла уснуть лишь во второй половине ночи. Сейчас, проспав меньше двух часов, она как раз видела сладкий сон.

Во сне плотник Тянь, тот самый старший Тянь, подстрекал Чжан Мэйлинь заманить Хэ Бяня к обрыву, где того ждала трагическая гибель. А её сын Тянь Ваньсин и учёный Чжан Цимин справляли пышную свадьбу. Среди завистливых и льстивых родственников она уже собиралась принять от учёного чай — тот самый, что подают после смены обращения.

Даже Тан Тяньцзяо склоняла перед ней голову, признавая свою вину и извиняясь за все прежние слова и поступки.

Тан Тяньцзяо всегда говорила, что с этим старшим Тянем что-то не так: мол, он нарочно избаловал и её, и Тянь Ваньсиня, а сам, возможно, завёл на стороне другую семью. Иначе почему он по полгода не бывает дома? Говорила, что когда-то он женился на ней лишь ради ремесла, и советовала быть настороже.

Чжан Мэйлинь считала, что Тан Тяньцзяо слишком мелочная и расчётливая — даже человеку, с которым делит постель, не доверяет. Кому тогда вообще можно верить?

Её муж — не просто плотник, он ещё и бригадир: человек способный, умеет зарабатывать и прокормить себя где угодно. Он вовсе не какой-нибудь бездарный крестьянин, застрявший на своём клочке земли.

Тан Тяньцзяо просто завидовала её хорошей жизни.

Но во сне Тан Тяньцзяо наконец увидела, насколько счастлива её жизнь, и признала, что всё, что она говорила прежде, было лишь от зависти.

Резкий стук в дверь разорвал этот сладкий сон. Проснувшись, Чжан Мэйлинь ощутила пустоту, будто потеряла нечто драгоценное, и, не задумываясь, выругалась в сторону двери:

«Чего колотишь?! Полночь на дворе, словно призрак ломится! Да ты, видно, и помереть спокойно не можешь!»

Во вторую ночь после перерождения Хэ Бянь и правда спал беспокойно — всю ночь его терзали кошмары.

Во сне не нашедшие выхода обида и ненависть теперь переполняли его живое тело. В этот момент его ярость достигла предела — не раздумывая, он схватил колун и с грохотом обрушил его на дверь.

«Ай! Небеса милостивые! Старший Тянь, да иди же разберись!»

Выкрикнув это, Чжан Мэйлинь вдруг обнаружила, что рядом с подушкой пусто — мужа всё ещё не было дома!

Резкое чувство утраты и страха ударило в голову, она вздрогнула и в панике вскочила. Да когда же, в конце концов, закончится эта проклятая жизнь!

Под угрозами и окриками Чжан Мэйлинь с сыном поспешно принялись готовить завтрак.

Обычно они варили всего полмиски риса, делая жидкую кашу, но Хэ Бянь, учитывая, что утром у него хороший аппетит, заставил их сварить весь рис из запасов.

В запасах было не меньше пяти цзиней грубого риса, к нему добавили кукурузу и картофель — получилась огромная кастрюля смеси злаков, которой хватило бы, чтобы досыта накормить семерых-восьмерых мужчин.

Хэ Бянь ещё снял с балки в комнате Чжан Мэйлинь кусок вяленого мяса. Он вымыл его, нарезал ломтями и вместе с рисом отправил томиться в котёл. Аромат стоял такой, что слюнки текли, но попробовать было нельзя — Тянь Ваньсиня это чуть не довело до отчаяния.

После вчерашнего утра мать с сыном уже поняли: им за стол садиться не положено.

Они стояли рядом, глядя на полные миски еды, и только сглатывали слюну — ведь обычно по утрам им доставалась лишь жидкая похлёбка из зерна.

Они смотрели, как Хэ Бянь выбирает золотистую, прожаренную в свином жире корочку со дна котла и кладёт её перед дураком, при этом терпеливо говорит:

«Братец, ешь первым. В следующий раз запомни: если есть что-то вкусное, надо делиться со мной».

Да что тот дурак может понимать? Холодная глыба, немой да ещё и обжора!

Все старания Хэ Бяня — словно жемчуг перед слепцом.

Он сам по жизни был словно прислуга, с детства — как крыса из сточной канавы, наблюдающая, как их семья из трёх человек живёт в согласии, как они подкладывают друг другу еду, заботятся друг о друге.

И этот жадный, тоскующий взгляд вызывал у Тянь Ваньсиня особое удовольствие.

А теперь Хэ Бянь вдруг возлагает надежды на "семейное тепло" на какого-то дурака — всё равно что нищий мечтает разбогатеть во сне.

Чжоу Ци взглянул на Хэ Бяня, который с набитым ртом ел мясо — его щёки раздулись, как у белки, запасшейся на зиму, — и отвёл взгляд, ничего не сказав.

Тянь Ваньсинь только успел про себя усмехнуться, как Чжоу Ци взял палочками кусок жирного мяса и положил в миску Хэ Бяня.

Хэ Бянь, до этого жадно поедавший еду, вдруг замер. С недоверием поднял голову, но, не доведя взгляд до конца, почувствовал, как глаза предательски увлажнились. Он тут же опустил голову и поспешно стал загребать рис, уткнувшись лицом почти в миску.

«Ешь помедленнее» - сказал Чжоу Ци.

Хэ Бянь всё так же упрямо ел, не поднимая головы. Спустя некоторое время он сдавленным голосом пробормотал:

«Разве ты не слышал? Если одна свинья не хочет есть, то вдвоём они едят с аппетитом. Будешь есть медленно — ничего не останется!»

Чжоу Ци понимал, что вчерашняя сцена оставила в душе Хэ Бяня глубокий след, поэтому больше ничего не сказал.

После еды Хэ Бянь, как и ожидалось, переел — он держался за живот, не в силах выпрямиться, казалось, что желудок сейчас разорвётся, скручиваясь от боли.

На лице у него всё ещё было выражение удовлетворения, но вскоре он почувствовал неладное — подступила тошнота, он облокотился на стол, покрываясь холодным потом.

Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсинь смотрели на него с откровенным выражением на лицах: словно тот не ел досыта восемьсот лет, как нищий — вот и переел до смерти!

Чжоу Ци, заметив это, незаметно протянул руку под столом, положил её на живот Хэ Бяня и направил туда немного духовной силы, заодно инстинктивно начал массировать.

Подержав немного, Хэ Бянь почувствовал себя лучше.

Подняв голову, он увидел, как Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсинь смотрят на него с широко раскрытыми глазами. Что опять? Опустив взгляд, он заметил руку Чжоу Ци, только что убрannую с его живота.

Кончики ушей Хэ Бяня мгновенно загорелись, но он подавил смущение. Почему он должен стыдиться? Если ему хорошо и это помогает — значит, нужно поощрять.

«Братец, ты такой удивительный» - сказал он.

Из-за волнения голос прозвучал неясно, с лёгкой робостью. В глазах — чистых, красивых — читались осторожное доверие и искренняя похвала.

«Мне нравится, когда братец помогает мне» - взгляд Хэ Бяня метнулся в сторону. Он понимал, что поступает нехорошо — уговаривает дурака быть к нему добрым. Но, кроме Чжоу Ци, он больше никому не мог доверять.

Чжоу Ци ничего не сказал, даже не взглянул на него.

Но когда веки Хэ Бяня опустились, и в них мелькнула тень разочарования, его рука сама собой снова потянулась вперёд — продолжая мягко массировать живот.

Чжан Мэйлинь и Тянь Ваньсинь только переглянулись: не сошёл ли Хэ Бянь с ума, раз водится с этим дураком!

Но ни одна из них не осмелилась сказать ни слова — они лишь спрятали в глубине глаз своё изумление и насмешку.

Чжан Мэйлинь подумала: раз уж Хэ Бянь так сам себя губит, а она всё-таки растила его почти десять лет, то лучше уж выдать его замуж за Ван Саньлана, чем позволить ему путаться с этим дураком.

Сначала Тянь Ваньсинь считал, что мать перегибает палку, но всего за один день Хэ Бянь довёл его до такого состояния, что жить стало невыносимо — теперь он и сам с нетерпением ждал, когда того постигнет возмездие.

В этот момент во дворе постучали в дверь.

Тан Гуй, увидев Хэ Бяня, всё ещё чувствовал неловкость, поэтому остался стоять под навесом и издали сказал:

«Хэ Бянь, тогда в горах я отобрал у тебя грибы — это было неправильно. Мать меня уже отругала. Я пришёл позвать братьев, чтобы извиниться перед тобой. Они у реки насобирали утиных яиц, наловили рыбы и креветок. Возьми таз и пойдём, заберёшь».

Хэ Бянь кивнул, попросил подождать и зашёл к себе за деревянным тазом. Чжоу Ци вошёл следом и тихо уточнил:

«Точно не убивать?»

«У меня есть способ разрушить им репутацию» - ответил Хэ Бянь.

Чжоу Ци не стал спорить.

Он предполагал, что эффект будет невелик, но раз Хэ Бянь так рвётся попробовать, он потом просто прикроет его.

Когда Хэ Бянь с Чжоу Ци вышли с тазом и отправились с Тан Гуем, Тянь Ваньсинь снова вспыхнул от злости.

Раньше эта компания мальчишек постоянно издевалась над Хэ Бянем, а теперь вдруг начали ему угождать. Ведь раньше они заискивали перед ним! А теперь даже взгляда не удостоили.

Чжан Мэйлинь, видя, как сын злится, но не осмеливается высказаться, задумчиво сказала:

«У Тан Гуя характер упрямый, его не исправишь одной материнской поркой. А тут он ещё и других парней собрал, чтобы ждуть Хэ Бяня... Думаю, его прислал Ван Саньлан».

Услышав это, Тянь Ваньсинь ощутил почти сладкое предвкушение мести:

«Мама, Хэ Бянь и с дураком водится, и с Ван Саньланом такие дела крутит — надо, чтобы вся деревня это увидела. Пусть все узнают, какой на самом деле этот их покладистый Хэ Бянь!»

Последние два дня он и носа на улицу не показывал — надоели косые взгляды и пересуды. Но сейчас, чтобы своими глазами увидеть позор Хэ Бяня, он был готов на всё.

Когда деревенские это увидят, Хэ Бянь станет посмешищем для всей деревни, и его собственные недавние проступки забудутся.

<http://bllate.org/book/17226/1615180>